

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260

Н.М. КАРАМЗИН: МЫСЛИ О ЛЮБВИ*

Сапченко Л.А.

*Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, д. 4,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья представляет собой анализ в жанрово-стилевом и историко-литературном аспекте написанного на французском языке произведения Н.М. Карамзина «*Quelquesideessurl'amour*» (известного в русском переводе как «Мысли о любви»). Обращение к редким материалам и документам (малоизвестные журнальные публикации, неопубликованный рукописный альбом Карамзина) существенно обогащает существующие представления о жанровом своеобразии его литературного наследия, корректируется его хрестоматийный облик, выявляется неоднозначность творческой личности писателя, принципиальная диалогичность его позиции.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, *Quelquesideessurl'amour*, «Мысли о любви», своеобразие жанра, диалогизм авторской позиции.

N. KARAMZIN: THOUGHTS OF LOVE

L. Sapchenko

*Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
4, pl. 100-letiya so dnya rozhdeniya V. I. Lenina, Ulyanovsk, Russian Federation, 432700*

Abstract. The article presents an analysis of the work «*Quelques idées sur l'amour*» by N. Karamzin, written in French (known in Russian translation as «Thoughts of love»), in the genre, stylistic, historical and literary aspects. Turning to rare materials and documents (little known journal articles and Karamzin's unpublished handwritten album) significantly enriches the existing views on genre originality of his literary heritage, his textbook image is being amended, ambiguity of the creative personality of the writer and essential dialogueness of his viewpoint are being revealed.

Keywords: N. Karamzin, «*Quelques idées sur l'amour*», «Thoughts of love», genre originality, Dialogism of the author's viewpoint.

Жанровая форма афоризмов, максим, «мыслей» и «парадоксов» обнаруживает свою актуальность в различные эпохи. Вид словесного искусства, называемый «афористикой», получил достаточно полное осмысление в теории и истории литературы. Афористика отражает «жизненный опыт в виде кратких по форме и обобщающих по смыслу высказываний-суждений» [14, с. 43]. **Доста-**

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00494 «Н.М.Карамзин: энциклопедический словарь»

© Сапченко Л.А., 2016.

точно разветвлённой предстаёт жанровая дифференциация афористики (сентенции, максимы, гномы, хрии).

Нетрудно, однако, заметить, что встречающееся наряду с этими обозначениями в соответствующих сборниках (нередко в их заглавиях) жанровое понятие «мысли» не получило никакого отражения в литературоведческих словарях и энциклопедиях.

Между тем «Мысли» обладают особой спецификой в сравнении с афоризмами или максимами. Афоризм – краткое изречение, представляющее собой готовый результат мыслительного процесса, который может быть как мгновенным озарением, так и долго вызревающим плодом трудных опытов целой жизни. «Мысли» же, записанные порой на клочках бумаги (Паскаль, Шамфор), могут заключать в себе как сам процесс мышления в его стремлении к постижению сложности жизни, так и собственно итог раздумий, который несёт на себе следы мучительного поиска, пульсирующего биения жизни и, наконец, внезапно разлившего света. Так, в «Мыслях» Паскаля есть и краткие, и пространные высказывания (некоторые из них «кажутся небольшими трактатами о государстве или философских школах, другие представляют собой ёмкий афоризм, который смог бы стать содержанием целого философского романа о человеческой природе, третьи – состязательный диалог...» [14, с. 184-185]), но объединяет их именно напряжённая работа человеческого духа, движение мысли, преподнесенной либо как обретённая истина, либо как страстное искание её. Афоризмы – это вечные истины. «Мысли» – истины, впервые

открываемые, несущие в себе очарование первозданности.

Сравнительно большая протяжённость тех или иных словесных фрагментов в «Мыслях» обусловлена не многосложностью высказывания, а передачей самого пути, самого движения к истине.

Предполагалось, что «мысль изреченная есть истина» (научная, религиозная, нравственная). Однако кризис рационалистической философии, распространение сенсуализма и развитие личностного начала привели к тому, что жанровая форма «мыслей» стала выражать специфическое миропонимание их автора. Мысли и афоризмы публиковались, заносились в записную книжку, помещались в альбомы. В самой природе истины теперь наиболее важным становится то, что она прочувствована, выстрадана. При этом автора не покидало стремление найти сочувственников. «Мысли» публиковались в надежде, что существует не столько единство умов, сколько родство душ. Не философские диалоги античности, предполагающие рождение истины в споре, не богословские диспуты средневековья – специфичным для конца XVIII столетия становится уединённое размышление. Но итоги его преподносились всё же обществу, приобретая характер исповеди при всех.

Однако круг адресатов постепенно сужался – до самых близких друзей или даже до единственного друга, но этого было достаточно. Важным стало не выведение обобщения, а акт коммуникации, именно это превращалось в цель высказывания.

Уникальность «мыслей» в том, что они, облакаясь в различные жанровые

формы и разные типы высказываний, проникают в психологические глубины, улавливают и схватывают такие парадоксы и тонкости человеческой психики и ума, которые долго оставались тайной для самого их носителя.

С избранной точки зрения представляют интерес опубликованные труды и рукописное наследие Н.М. Карамзина.

Разочарование Карамзина в силе человеческого разума, стремление решить вопрос о самом существовании истины, о возможности человека жить в мире с миром и с собой выразились в его собственных афористических высказываниях и в многочисленных выписках из произведений европейских авторов. Карамзин помещал такие выписки в своих журналах, в отделе «Смесь» газеты «Московские ведомости», в «Пантеоне иностранной словесности», а также в записных книжках и альбомах.

В одной из глав «Писем русского путешественника» [4, с. 288] есть эпизод о литературном вечере в салоне госпожа Гло*, где состоялось чтение сочинения маркизы Л* «Мысли о любви», «глубокомысленного» произведения.

И.З. Серман выражает сомнение по поводу достоверности описываемого события. Прежде всего, в июне Карамзина уже не было в Париже [12, с. 184-211]. Во-вторых, сожалея, что не может «от слова до слова пересказать» мыслей автора, русский путешественник приводит те отрывки, которые остались у него в памяти, «в таком отлочно сохранённом изложении, что трудно представить себе возможность подобного запоминания прозаического французского текста, да ещё тща-

тельно отредактированного, с закурсивленными словами...» [13, с. 186]. «Это мог сделать только автор», – делает вывод исследователь и обращает внимание читателя «на то удивительное обстоятельство, что Карамзин смог тут же сделать русский перевод прочитанных по-французски мыслей» [13, с. 188]. И.З. Серман определяет этот эпизод как «своего рода пастиш или даже пародия на тот тип салонной литературы, который был неприемлем для Карамзина ни во Франции, ни тем более в России» [13, с. 186].

Передавая своё впечатление от услышанного, Карамзин (в своей манере) совмещает противоположные оценки в пределах одной фразы. В приведённом тексте он видит как достоинства, так и недостатки: «хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсем не женский язык!» [3, с. 289]. «Тёмный» и «высокопарный», – «самые осудительные оценки стиля в критических статьях Карамзина» [13, с. 195]. Строя свои суждения по принципу диалога, Карамзин вначале соглашается с некоторыми положениями оппонента, а после – возражает ему.

В письме к И.И. Дмитриеву (от 10 декабря 1797 года) Карамзин поместил собственный этюд на французском языке «*Quelquesideessurl'amour*». Хотя переведённые на русский язык «*Quelquesideessurl'amour*» получили в погодинском двухтомнике название «Мысли о любви» [7, с. 270-274], это не тот текст, который упомянут в «Письмах русского путешественника». Он другой – и по языку, и по содержанию.

31 декабря 1797 года Карамзин даёт автокомментарий к «*Quelquesideessurl'amour*», отвечая другу, по-видимому, на упрёки в не-

достатке логики и чёткости построения: «Мысли мои о любви брошены на бумагу в одну минуту; я не думал писать трактат, а хотел единственно сказать, по тогдашнему моему чувству, что любовь сильнее всего, святее всего, несказаннее всего. Философия и страстная любовь не могут быть дружны, мой милый Иван Иванович. Первая пишет только сатиры на последнюю; а тогда жить и любить было для меня одно. Рассуждать о страстях может только равнодушный человек; не в бурю описывать бурю» [2, с. 89]. Отметая жанровое определение «*Quelquesideessurl'amour*» как «трактата», Карамзин воспринимает их скорее как *impromptu* (экспромт, импровизация), «или назови, как хочешь» [2, с. 89].

Термин *Impromptu* происходит от латинского *xprom(p)tus* – «готовый, быстрый». Обычно так определяется жанр небольшого музыкального сочинения, отличающегося свободной формой, порывистостью и производящего впечатление импровизации. Это непосредственное выражение настроения или лирического переживания, возникшего под влиянием минуты, вызванного особой ситуацией и написанное сразу, без подготовки.

Излившись в такой необычной для словесного искусства форме, творение Карамзина свидетельствовало, с одной стороны, о невозможности для него оставаться в рамках привычной системы жанров, а с другой, делало более зримыми специфические свойства его ранней прозы: лирический сюжет, мелодичность, эмоциональность, ритмичность.

Включение литературных произведений в состав дружеского письма

было характерной чертой этого жанра. Дружеское послание допускало, даже предполагало публичное прочтение в среде единомышленников, в литературных кружках. Отсюда – просьба Карамзина не разглашать его авторства, поскольку содержание этюда было глубоко личным, основанным на недавно пережитом страстном чувстве.

«Сын века Просвещения», Карамзин отметил стиль «салонно-прециозной литературы французской аристократии XVII века» [13, с. 197], – пишет И.З. Серман. Исследователь убеждён, что Карамзин следовал, скорее, эстетическим установкам века Просвещения и современных ему французских авторов, в частности Мармонтеля, много переводя его и солидаризуясь с ним «в неприязни к эпигонам презиозной литературы» [13, с. 200]. «Пустоте женского рукоделия Карамзин противопоставил гимн любви, гимн страсти» [14, с. 204].

Однако «*Quelquesideessurl'amour*» тоже написаны от лица женщины. В письме автор просил друга: «... Не сказывай никому, что эта пьеса моя. Я называл её сочинением одной дамы; и так не противоречь мне» [2, с. 84]. В соответствии с просветительской программой Карамзина «желание скрыть своё авторство за вымышленным лицом мифической дамы» должно было, по словам Ю.М. Лотмана, «убедить, что женщина может быть изящным сочинителем. Требование русской речи придёт позже» [5, с. 276].

Слог сочинения «парижской дамы» и слог отрывка из карамзинского письма к Дмитриеву, действительно, различаются. Первый более афористичен, риторичен, украшен, «высокопарен». Приведённые в отрывке суждения

претендуют на выражение всеобщей, равно для всех приемлемой истины и представлены как нравственно-философский итог. В отличие от этого, эту «Несколько мыслей о любви» передаёт само стремление к истине. Одна идея рождает другие, которые, в свою очередь, являются предпосылкой появления новых и отражают специфическое миропонимание их автора. «Мыслям», в отличие от афоризмов, свойственно многоголосие, столкновение разных точек зрения, полифония, где ведущую партию исполняет всё же авторский голос.

«...собственные карамзинские «Мысли о любви», посланные в конце 1796 года Дмитриеву, написаны полемически и вместо изящных кружев женского рукоделия представляют собой образец пламенного красноречия на тему о любви, красноречия в духе персонажей Шиллера», – пишет И.З. Серман [13, с. 204-205]. Уточняя мнение французского слависта Ж. Брейяра и указывая на отбор писателей в «Пантеоне иностранных авторов», И.З. Серман подтверждает, что Карамзин ориентируется не на престижную литературу, а на постклассицизм, на эпоху Просвещения в целом и на одного из её, может быть, не первостепенных, но популярных представителей – на Мармонтеля» [13, с. 204-205]. Исследователь приводит при этом мнение О.Б. Кафановой, что «переводы из Мармонтеля явились своеобразной лабораторией становления литературного языка и нового слога русской прозы вообще» [4, с. 157-176].

Нельзя, однако, не отметить, что для Карамзина существовали и другие литературные образцы, к которым он постоянно обращался и делал про-

странные выписки из них для себя и самых близких своих друзей. Это, прежде всего, Руссо, затем Монтень, а кроме того, те писатели и мыслители, которые упоминаются значительно реже или даже никогда не принимаются во внимание при характеристике мировоззрения и творчества Карамзина: Боссюэ, Паскаль, Монтескье, Бюффон, Лафонтен, Ларошфуко, Помпийан, Николь, г-жа Неккер и др.

Помещая отрывки из их сочинений в альбомы и записные книжки, в свои журналы и т. д., Карамзин тем самым придавал цитируемым фрагментам специфический жанровый статус – «мыслей», афоризмов, «парадоксов».

Карамзинские «Мысли о любви», «Мысли об уединении», «Мысли об истинной свободе» и т. д. нередко афористичны и всегда парадоксальны, как и целый ряд других его известных высказываний. Причём «Мысли о любви» в письме к Дмитриеву (сочинение мадам де Lim.) не во всём противопоставлены сочинению маркизы «Л» из «Писем русского путешественника». В них есть многое, что мог бы повторить (и повторял в своих произведениях, записных книжках, альбомах) сам Карамзин.

Это касается, во-первых, восходящего к роману Руссо «Новая Элоиза» представления о безотчётном (избирательном) сродстве душ, о взаимном влечении, которое чувствуют два сердца, друг для друга сотворённые» и которое изобразил Карамзин в повести «Наталья Боярская дочь» («Вот он!» – восклицает героиня, впервые увидев Алексея) [9, с. 149-153].

Кроме этого, высказывание Монтеня, которое приводит сочинительница в «Письмах русского путешественни-

ка» («Друг мне мил для того, что он – он; я мил ему для того, что я – я»), сам Карамзин более пространно цитировал в рукописном альбоме, составленном им для императрицы Елизаветы Алексеевны¹.

Текст, отправленный в письме к Дмитриеву, отмечен уже сложившимися приметам карамзинского стиля: полемическим построением, столкновением разных точек зрения, несопадающих мнений, суждений, высказываний. Всему тому, что «говорят», «обыкновенно думают», что сказал «один великий писатель», в ответ многократно звучит убеждённое «Нет!» (сочинение «парижской дамы» в основном монологично).

Вместе с тем карамзинские «*Quelquesideessurl'amour*» обладают уникальной жанровой спецификой, не позволяющей безоговорочно отнести их к жанру афоризмов или даже «мыслей», поскольку представлены они не как умозаключения, а как всплеск эмоций, как поток сменяющих друг

¹ «Если бы у меня настойчиво требовали ответа, почему я любил моего друга, я чувствую, что не мог бы выразить этого иначе, чем сказав: «Потому, что это был он, и потому, что это был я. Где-то за пределами доступного моему уму и того, что я мог бы высказать по этому поводу, существует какая-то необъяснимая и неотвратимая сила, устроившая этот союз между нами. Мы искали друг друга прежде, чем свиделись, и отзывы, которые мы слышали один о другом, вызывали в нас взаимное влечение большей силы, чем это можно было бы объяснить из содержания самих отзывов. Полагаю, что таково было веление неба. Самые имена наши сливались в объятиях. И уже при первой встрече, которая произошла случайно на большом празднике, в многолюдном городском обществе, мы почувствовали себя настолько очарованными друг другом, настолько знакомыми, настолько связанными между собой, что никогда с той поры не было для нас ничего ближе, чем он мне, а я ему» [7, с. 234].

друга возражений, соединяющий и чувства, и аргументацию. Автор начинает с опровержения того мнения, что «писать о любви может только человек, воспламенённый любовью»: «...Только тогда, как он придёт в себя, как буря страсти постепенно рассеется, он будет в состоянии говорить о силе любви, им испытанной...». Но «копия с отсутствующего оригинала» всё-таки не будет иметь совершенного сходства с оригиналом и потому (делает вывод автор) никто не может описать любовь так, «как она есть в сердцах восторженных любовников, с её огнедышущей энергией, с её сладострастно-лихорадочным трепетом, – никто» [7, с. 271]. Затем следует попытка разъяснить, почему невозможно описать любовь.

Автор не согласен также с теми, кто считает преувеличенной силу страстей, описанных в романах. Он знает, что «легче бы представить воображению неизмеримость или вечность, чем изобразить несколькими чертами пера всемогущество любви» [7, с. 271]. Перед силой женской любви, перед её способностью к самопожертвованию, считает автор, меркнут все доблестные подвиги героев древности.

Чувство любви предстаёт возвышенным и священным, угодным Богу, оно способно обезоружить праведный гнев создателя по отношению к роду человеческому, спасти его от гибели. Более того, любящие уже здесь, на земле, получают «некоторое понятие» о будущем небесном блаженстве, «поглощая друг друга взглядами». Мнение холодных и порочных людей не может бросить тень на их «светозарные души».

Здесь обнаруживается близость воззрений Карамзина к взглядам тех

французских авторов, которых называет И.З. Серман: Мармонтель и Руссо. Каковы должны быть моральная оценка и нравственная характеристика персонажей, Мармонтель решает в связи с установкой на современного человека: «Персонажи Мармонтеля живут по законам естественной человеческой морали, морали благоприятствования, доброжелательности и взаимопонимания» [13, с. 207]. Что касается Руссо, то он «...своим стилем облагораживает ту смесь порока и добродетели, какая характеризует его персонажей» [13, с. 208].

В качестве одного из участников спора предстаёт в тексте Бюффон: «Один великий писатель сказал, что, кроме физического удовольствия, ничего нет, ни хорошего, ни естественного в любви. Этот великий писатель имел весьма малую душу. Физическое удовольствие не значит ничего в истинной любви; предмет её слишком свят, слишком божествен в наших глазах и не может возбуждать желаний: чувства спокойны, когда сердце взволновано, - а оно всегда в волнении при этой страсти...» [7, с. 273] и т. д.

Вновь предоставляя слово скептически настроенным оппонентам («Чувство любви может ли быть так могущественно в нашей душе, чтобы поглощать в себе все способности, всю деятельность? Недолжно ли приписать это чудо силе воображения?»), автор вступает в спор ними: «Нет, нет. Мечта никогда не может иметь того пламенного жара, который чувствует страстное сердце в стремительных своих порывах. Нет, природа, сама природа, ея непреодолимая сила, возносит нас на эту высоту любви» [7, с. 273].

В публикации «Бюффон и Руссо», продолжающей эту тему, сопоставлены их мнения о любви: «Оба писали о любви: изображая её сладость и муку с жаром и трогательную истину, Руссо восхитил сердца чувствительных; Бюффон оскорбил их, утверждая, что одна физическая любовь хороша и что моральная есть зло» [16, с. 417].

Однако противопоставление Бюффона и Руссо опять-таки неоднозначно. Говоря от лица своей героини, Карамзин как бы спорит с самим собой. Сам Карамзин нередко сочувственно цитировал строки из письма Юлии к Сен-Прё из «Новой Элоизы» (письмо XX, часть 3), видимо, полностью соглашаясь с ними¹, но здесь он утверждает, что «Ж.-Ж. Руссо, умирая от любви к г-же Гудето, сжёг бы самые пламенные письма своей Элоизы, найдя их слишком холодными» [7, с. 271], в то время как Бюффон тоже мог быть способен к поэтизации непосредственного, искреннего, пламенного чувства. В альбоме, посвящённом Елизавете Алексеевне (1821), в разделе, специально озаглавленном «Любовь», Карамзин

¹ «...Мысль о том, что для счастливого супружества нужна любовь, долгое время вводила меня в заблуждение, а вас, пожалуй, обманывает и поныне. Друг мой, это ошибка: порядочности, добродетели, некоторого соответствия, не столько состояний и возрастов, сколько души и нрава, - достаточно для супругов, что, впрочем, не мешает возникнуть нежной привязанности между ними, хотя и не порождённой любовью, но тем не менее трогательной и более долгой. Любовь сопровождают вечные муки ревности или нужда, не подходящие для брачного союза, который дарует блаженство и покой. Женятся не для того, чтобы думать только друг о друге, но чтобы совместно выполнять обязанности, налагаемые жизнью общества, умело и разумно вести хозяйство, хорошо воспитывать детей» [10, с. 312-313] и т. д.

помещает только один отрывок – из Бюффона¹. Карамзин любил афоризмы Бюффона и часто их цитировал [см.: 11]. Помещённый среди других высказываний, афоризмов, максимум, фрагмент из «Натуральной истории» [16, с. 80-81] приобретает статус «мыслей»: «Любовь! Врождённый инстинкт! Душа природы! Неисчерпаемый источник существования! Высшее могущество, которое может всё, которому никто не в силах противостоять, благодаря которому всё движется, всё дышит и всё обновляется! Божественное пламя, источник вечного продолжения рода, который Творец своим дыханием жизни распространил повсюду! Бесценное чувство, которое одно лишь может смягчать сердца кроважадные и холодные, пронизывая их сладостным жаром! Первопричина любого блага, любого общества, способная объединять без всякого принуждения и одними своими чарами даже природы дикие

и ожесточенные! Единственный и плодотворный источник всякого удовольствия, всякого наслаждения! Любовь! Почему ты составляешь счастье всех живых существ и приносишь несчастье одному лишь человеку?» [8, с. 74].

Карамзин способен был найти союзника в своём бывшем оппоненте.

Мышлению Карамзина свойственно столкновение различных взглядов: таков принцип внутренней организации «Мыслей о любви». Уникальный в словесном искусстве жанр *impromptu* предстаёт здесь как реплика в жарком споре, а затем (со слов «О вы, горячие сердца...») приобретает черты стихотворения в прозе (гимн любви) и свидетельствует о многомерности творческой личности Карамзина, способного использовать как устойчивые, канонические жанры, так и создавать (под названием «мысли») небывалые жанровые формы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вестник Европы. 1802. № 8. С. 339–345.
2. Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб.: Императорская академия наук, 1866. 727 с.
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника («Литературные памятники»). Л.: Наука, 1987. 718 с.
4. Кафанова О.Б. Н.М. Карамзин – переводчик Мармонтеля // Проблемы метода и жанра. Вып. 6. Томск, 1979. С. 157–176.
5. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.
6. Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 1–2. М.: Терра, 1996. 718 с.
7. Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. Ч. 1–2. М.: Типография А.И. Мамонтова, 1866. 505 с.
8. Разумовская М.В. Бюффон-писатель. Французские естествоиспытатели XVIII в. и литература. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1997. 156 с.
9. Розова З. «Новая Элоиза» Руссо и «Наталья, боярская дочь» Карамзина // Русская литература. 1966. № 4. С. 149–153.
10. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 768 с.

¹ Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567. 1821

11. Сапченко Л.А. Карамзин и Бюффон // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 133-140.
12. Серман И.З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? // XVIII век. Сборник 23. СПб.: Наука, 2004. С. 194-211.
13. Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М.: РГГУ, 2005. 328 с.
14. Тарасов Б.Н. «Мыслящий тростник». Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей, М.: Языки славянских культур, 2004. 896 с.
15. Эпштейн М. Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
16. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière: En 36 t. Paris: imprimerie royale, 1749–1788. T. IV. pp. 3-113.

REFERENCES

1. Vestnik Evropy [Envoy of Europe]. 1802. no. 8. pp. 339–345.
2. Karamzin N.M. Pis'ma k I.I. Dmitrievu [Letters to I. Dmitriev]. SPb., Imperatorskaya akademiya nauk, 1866. 727 p.
3. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika («Literaturnye pamyatniki») [Letters of a Russian traveler ("Literary monuments")]. L., Nauka, 1987. 718 p.
4. Kafanova O.B. N.M. Karamzin – perevodchik Marmontelya [N. Karamzin as Marmontel's translator] // Problemy metoda i zhanra. 1979. no. 6. Tomsk. pp. 157–176.
5. Lotman YU.M. Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]. M., Kniga, 1987. 336 p.
6. Monten' M. Opyty: V 3 kn. Kn. 1–2 [Experiences: 3 vol. Book 1–2]. M., Terra, 1996. 718 p.
7. Pogodin M.P. N.M.Karamzin po ego sochineniyam, pis'mam i otzyvam sovremennikov. Materialy dlya biografii s primechaniyami i ob'yasneniyami. CH. 1–2 [N. Karamzin in his writings, letters and reviews of his contemporaries. Materials for a biography, with notes and explanations. Parts 1–2]. M., Tipografiya A.I.Mamontova, 1866. 505 p.
8. Razumovskaya M.V. Byuffon-pisatel'. Frantsuzskie estestvoispytately XVIII v. i literatura [Buffon as a writer. French naturalists of the 18th century and literature]. SPb., Sankt-Peterburgskii universitet, 1997. 156 p.
9. Rozova Z. «Novaya Eloiza» Russo i «Natal'ya, boyarskaya doch'» Karamzina ["The new Heloise" by Rousseau and "Natalya, the Boyar's Daughter" by Karamzin] // Russkaya literatura. 1966. no. 4. pp. 149–153.
10. Sapchenko L.A. Karamzin i Byuffon [Karamzin and Buffon] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2015. no. 4. pp. 133–140.
11. Serman I.Z. Gde i kogda sozdavalis' «Pis'ma russkogo puteshestvennika» N.M. Karamzina? [Where and when were the "letters of a Russian traveler" by N. Karamzin created?] // XVIII vek. Sb. 23 [18th century. Coll. 23]. SPb., Nauka, 2004. pp. 194–211.
12. Serman I.Z. Literaturnoe delo Karamzina [Karamzin's literary case]. M., RGGU, 2005. 328 p.
13. Tarasov B.N. «Myslyashchii trostnik». Zhizn' i tvorchestvo Paskalya v vospriyatii russkikh filosofov i pisatelei ["Thinking reed". The life and work of Pascal in the perception of Russian philosophers and writers]. M., Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. 896 p.
14. Epshteyn M. «Aforistika», Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' ["Aphoristics", the Literary encyclopedia]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 750 p.
15. Buffon. Histoire naturelle, générale et particulière: En 36 t. Paris: imprimerie royale, 1749–1788. T. IV. pp. 3–113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сапченко Любовь Александровна – доктор филологических наук, профессор Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н.Ульянова
e-mail: ssj-sla@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ljubov Sapchenko – doctor of Philological Sciences, Professor of Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University
e-mail: ssj-sla@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА:

Сапченко Л.А. Н.М. Карамзин: «Мысли о любви» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 251-260.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Sapchenko. N.M. Karamzin: Thoughts of Love // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 251-260.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-251-260